По мере того, как дым и пыль медленно рассеивались, я открывал глаза мертвой широтой, пытаясь увидеть, кто именно еще стоял там.

Один из них был гением, который был назначен молодым мастером семьей Цзян при рождении, человек, который был в центре внимания с детства.

С другой стороны, это был человек, который пришел из бедного окружения, сражался до смерти и, наконец, стал самым сильным человеком со времен основания даосской религии.

Не знаю почему, но, очевидно, что двое людей, которых я знал, боролись, но в моем сердце был намек на праздник. Я был рад, что смог увидеть эту битву, даже если прошло много лет, я мог рассказать людям, что видел одну из них. Битва. Потому что я знал, что оба они определенно будут стоять на вершине даосской церкви в будущем, если больше ничего не будет.

Дым наконец-то рассеялся, и я не мог не ошеломиться, когда увидел людей, которые все еще стояли там. Конечно, любой из них стоял бы меня невероятно шокировал.

Цзян Эркиан.

Его длинные волосы свисали вниз, скрывая глаза, а аккуратный костюм уже был несколько порван. В это время он протянул руку, у которой были длинные пальцы, и пропустил через нее свои длинные волосы.

Внезапно он улыбнулся и выпрямил позвоночник. А Дунфан Цин Юнь лежал на земле, задыхаясь воздухом, он пытался ухватиться за пустыню, но у него не хватило сил.

"Эта драка немного несправедлива, но я всегда буду помнить... "Цзян Эркян снова начал улыбаться, "Дунфан Цинъюнь, ты... Я примерно того же возраста, но, к сожалению, тебя не было в мире некоторое время. Хотя теперь, когда ты вернулся из ада, я боюсь, что поражение сразу после твоего возвращения будет для тебя очень неприятным. На самом деле я задаюсь вопросом, смогу ли я все еще победить тебя, если бы ты не покинул человеческий мир в это время и все еще пытался улучшаться. Но... кто может сказать?"

Кто... может сказать?

Я сам не могу сказать, сколько времени прошло с тех пор, как Цин Юнь Дунфан покинул этот мир?

Три месяца? Четыре месяца?

Цзян Эркян победил с небольшим отрывом, но если Дунфан Цинъюнь в это время все еще совершенствовался, то никто не мог сказать, кто должен победить в конце концов.

Но теперь он был побежден.

Цзян Эркян сжимал кулаки и очень сильно растягивал талию, это действие снова казалось, как будто он доказывает себя на небесах. Он похлопал по груди, а потом подошел ко мне. Когда он дотянулся до меня, он внезапно выплюнул полный рот крови, и его тело дрогнуло, но он пытался стоять твердо.

"Цзян Эр Цянь похлопал меня по плечу, он мягко сказал: "Сначала я вернусь на дорогу". Файзонг, если у тебя есть что-то, что ты хочешь ему сказать, сейчас самое время это сказать.

Эта ссора - настоящее удовольствие..."

Я хмммммел капризно, и Цзян Эр Цянь ушёл. Я думал, что он повернется назад, но он этого не сделал, и пока его фигура не исчезла в ночи, я никогда не видел, чтобы он оглядывался на своего противника. .

Он все еще был таким лихим, как будто не ел.

"Брат Цинъюнь".

Я был занят тем, что шел к Дунфану Циньюну, чтобы увидеть его раны, но когда я только что пошевелил ногами, Дунфан Циньюнь, который лежал на земле, вдруг... Низкий рык, "Не приезжай".

Я подсознательно остановился, не понимая, что имел в виду Дунфан Цинъюнь. Теперь он пытался ухватиться за пустыню и поддержать себя, чтобы сесть, а затем его глаза смутно смотрели на меня.

Не знаю почему, но мне показалось, что Дунфан Цин Юнь выглядит немного одиноко. Он сильно отличался от старого, и я даже подозревал, что это был не властный Дунфан Цинъюнь.

Я проглотил слюну и с утешением сказал: "Брат Цинъюнь, победа или поражение - обычное дело в армии, хотя на этот раз ты и проиграл, но это не значит, что ты уступаешь Это деньги, не так ли? Это правда, что до этого, потому что вы не практиковались три или четыре месяца, и его победа над вами была близка, но если бы вы все еще практиковались, вы могли бы быть в состоянии рисовать. Может быть, даже ты его едва побил."

Я знал это в своем сердце.

На самом деле, эти два человека должны быть описаны как сопоставимые. И эта битва была несправедлива по отношению к Дунфану Цинъюню.

Какое-то время он молчал, а потом мягко сказал: "Цзян Чэн, ты думаешь... Меня волнует эта битва?"

Я подсознательно покачал головой, если Дунфан Цинъюнь очень заботился об этой схватке, то он не был властолюбивым и прямым Дунфан Цинъюнь. По моему впечатлению, он был человеком, который интересовался только своей семьей и Дунфан Янъюэ, а все остальное казалось ему несущественным.

Я посмотрел на одинокого Дунфань Цинъюня и не знал, что сказать. Он вдруг спросил меня, есть ли у меня сигарета, я даже бросил и сигарету, и зажигалку в Дунфан Цинъюнь, он протянул руку, чтобы поймать ее, затем вытащил одну и зажег ее. Но кашлял дважды.

"Не подходите ближе..." пробормотал он, "Я получил приказ убить злоумышленника, и если вы подойдете ближе, мне придется вас убить". Цзян Чэн, я не хочу тебя убивать, Ю снова нужен кто-то, кто о ней позаботится".

Я нежно кивнул, тихо и стыдно шепнул: "Брат Цин Юнь, простите, что не смог защитить сестру Янъю. На самом деле... Я действительно не знал, как защитить ее в то время."

"Не похоже, что ты можешь защитить её на таком уровне... "Дунфан Цинъюнь горько смеялся, "Цзян Чэн, я видел сквозь неё, прежде чем перерезать себе горло", Я знал, где они

окажутся. Ни о Юэре, ни о Юэре не заботилась восточная семья, не так ли?"

Я серьёзно кивнул.

Он тихо курил свою сигарету, выглядел все более одиноким.

"Когда я был очень молод, я всегда думал, что единственный способ защитить людей, о которых я заботился, это стать сильнее... "Восточный цианид выглядел... небо, он музицировал: "Я так усердно трудился, чтобы продвинуться вперед, и по мере того, как статус моей семьи улучшался, я каждый день говорил себе, что я собираюсь Сильнее, но каков результат?"

Он выкурил сигарету и посмеялся над собой: "Оказалось, что мать моя умерла, не для того, чтобы защитить нас, не от того, как она запуталась. Только потому, что я не хотела быть белой. Она была хорошей женщиной, и очень старалась научить меня читать даосизм, когда я не умел читать, а когда она натыкалась на что-то, чего сама не знала, она искала это в словаре. Иногда она даже не могла заглянуть в словарь, поэтому пошла спросить своего второго дядюшку по соседству. В то время дядя Эр всегда дразнил ее за то, что она слишком много думала, и она неловко улыбалась и говорила, что просто хочет, чтобы ребенок узнал больше. Она была хорошей женщиной, и в конце концов, она сделала так, чтобы ее ребенок выполнил свой сыновний долг. В конце концов, белые волосы, посылающие черные волосы - самое неблагодарное, что может сделать ребенок, верно?"

Я не осмеливался отвечать на слова Дунфан Цинъюня, но я слышал смысл его слов.

Чувство поражения, чувство одиночества, чувство... одиночества.

"Сестра, о которой я заботился больше всего, я обещал защищать ее всю оставшуюся жизнь, но она все равно превратилась в Золушку, предмет сцепления. Если я еще жив, кто осмелится издеваться над ней? Если бы я все еще был с ней, кто бы осмелился указывать ей, что делать? И женщина, которую я люблю больше всего... ушла, все ушло."

Он вдруг поднял голову, чтобы посмотреть на меня, что взгляд наполнен печалью, и медленно удалил пустыню в ножнах.

Я почувствовал невыносимую душность в груди и прошептал: "Брат Цинь Юнь, заплачь один раз, может, тебе станет легче".

"Поплачь один раз?"

Дунфан Цинъюнь схватил Пустыню и встал, его фигура несколько пошатнулась, как будто он был слаб. Никто бы не подумал, что Дунфан Цинъюнь будет выглядеть так измождённо.

"Если бы это была оригинальная я, я бы действительно однажды заплакала". Но теперь... у меня есть пустое, могущественное тело, но самая скромная душа. В прошлом люди говорили, что это было самое сильное восточное "зеленое облако" со времен даосизма, но как насчет сейчас"?

Он сжимал зубы и роптал: "Теперь люди скажут, что это был восточный Цинъюнь, ставший рабом. Цзян Чэн, это не то, что ты думаешь, это не то, что ты пережил, я хотел заплакать однажды, но сейчас, у меня больше нет этого. Он квалифицирован. Когда душа уже полна рабства, даже если она обладает эмоциями, в конце концов, это на самом деле просто отличный ходячий труп".

Дунфан Цинъюнь выбросил пустыню, которая внезапно исчезла в воздухе, и он повернулся и пошел в другом направлении. Под темнотой ночи его фигура постепенно размылась.

"Увидимся с Юэр, не говори ей, что я все еще жив". Она сказала, что ее брат - гордость ее жизни, и что это ее сожаление, что я мертв. Но если ты видишь меня таким, то коллапс... это весь её мир".

С этим он оставил после себя только одно предложение и исчез в ночи. Я не мог выдохнуть меланхоличное дыхание в сердце, когда смотрел на серую землю.

Когда гордость превращается в рабовладельческий капитал, кто помнит, что он был плоским и великолепным?

http://tl.rulate.ru/book/41095/940841